

Гораций

Сочинения

Аннотация

Творчество Горация, выдающегося римского поэта I в. до н. э., многократно перепевалось и пародировалось целой плеядой талантливых русских лириков: от Ломоносова и Державина до Жуковского и Пушкина.

Книга включает собрание лучших од и эподов Горация, а также его поэтические послания к разным лицам.

Мировую славу Квинту Горацию Флакку принесли его произведения «Оды», «Эподы», «Юбилейный гимн».

Вклад Горация в мировую литературу сложно переоценить. Ему подражали множество поэтов, его произведениями восхищались Дж. Байрон, А. Пушкин, Ф. Петрарка и многие другие.

Поэзия Горация принадлежит к вершинам античной литературы, обладает совершенством форм, колоритно рисует быт и нравы римского общества времен конца республики и начала правления императора Августа.

Квинт Гораций Флакк

Сочинения

Оды

Книга первая

1

Славный внук, Меценат, праотцев
царственных,

О отрада моя, честь и прибежище!

Есть такие, кому высшее счастье

Пыль арены дает в беге увертливом

Раскаленных колес: пальма победная

Их возносит к богам, мира властителям.

Есть другие, кому любо избранником

Быть квиритов толпы, пылкой и ветреной.

Этот счастлив, когда с поля ливийского

Он собрал урожай в житницы бережно;

А того, кто привык плугом распахивать

Лишь отцовский удел, — даже и Аттала

Всем богатством, увы, в море не выманишь

Кораблем рассекать волны коварные.

А купца, если он, бури неистойвой

Устрашася, начнет пылко расхваливать

Мир родимых полей, — вновь за починкою
Видим мы корабля в страхе пред бедностью.
Есть иные, кому с чашей вина сам-друг.
Любо день коротать, лежа под деревом
Земляничным, в тени ласковой зелени,
Или у родника вод заповеданных.

Многих лагерь манит, — зык перемешанный
И рогов, и трубы, и ненавистная
Матерям всем война. Зимнего холода
Не боясь, о жене нежной не думая,
Все охотник в лесу, — лань ли почуяла
Свора верных собак, сети ль кабан прорвал.
Но меня только плющ, славных отличие,
К вышним близит, меня роща прохладная,
Там, где Нимф хоровод легкий с Сатирами,
Ставит выше толпы, — только б Евтерпа

лишь

В руки флейты взяла, и Полигимния
Мне наладить пришла лиру лесбийскую.
Если ж ты сопричтешь к лирным певцам меня,
Я до звезд вознесу гордую голову.

2

Вдосталь снега слал и зловещим градом
Землю бил Отец и смутил весь Город,

Ринув в кремль святой огневые стрелы
Гневной десницей.

Страх навел на все племена он, вновь бы
Грозный Пирры век не настал, смущенной
Чудом: вот Протей свое стадо гонит
К горным высотам;

Стаи рыб стоят на вершинах вязов,
Там, где был приют лишь голубкам ведом;
Вот плывут в волнах над залитым лесом
Робкие лани.

Так и нынче: прочь от берегов этрусских
Желтый Тибр, назад повернувши волны,
Шел дворец царя сокрушить и Весты
Храм заповедный,
Риму мстить грозя за печаль супруги,
Впавшей в скорбь, — хоть сам не велел

Юпитер —

Волны мчал он, берег затопляя левый,
Илии предан.

Мало юных — грех то отцов — услышат
Весть, как деды их, заострив железо,
Друг на друга шли — лучше нес бы меч их
Гибель парфянам.

Звать каких богов мы должны, чтоб Рима
Гибель отворотить? Как молить богиню
Чистым девам тут, если мало внемлет
Веста молитвам?

Грех с нас жертвой смыть на кого возложит

Бог Юпитер? О Аполлон, прийди же,
Вещий бог, рамен твоих блеск прикрывши
Облаком темным.

Ты ль, Венера, к нам снизойдешь с улыбкой

Смех и Пыл любви вокруг тебя витают:
Ты ль воззришь на нас, твой народ забытый,
Марс-прародитель?

Упоен игрой бесконечно долгой,
Любишь брани клик ты, сверканье шлемов,
Грозный марсов вид над залитым кровью
Вражеским трупом.

Ты ль, крылатый сын благодатной Майи,
Нас спасешь? Приняв человека образ,
Ты согласье дал ведь носить здесь имя
«Цезаря мститель».

В небо ты позднее возвратись, желанный;
Дольше будь меж нас: хоть злодеяния наши
Гнев твой будят, ты не спеши умчаться,
Ветром стремимый,
Ввысь. И тешься здесь получать триумфы,
Зваться здесь отцом, гражданином первым.
Будь нам вождь, не дай без отмщенья грабить
Конным парфянам.

Пусть же правят тобой, корабль,
Мать-Киприда, лучи братьев Елены — звезд,
Ветров царь и отец — Эол,
Всех скрутив остальных, Япига лишь пустив.
Дан Вергилий тебе: твой долг
Сохранить его нам, берегу Аттики, —
Вняв мольбе, — невредимым сдать:
Вместе с ним ты спасешь часть и моей души.
Знать, из дуба иль меди грудь
Тот имел, кто дерзнул первым свой хрупкий

челн

Вверить грозным волнам: ему
Страх внушить не могли Африка злой порыв
В дни борьбы с Аквилоном, всход
Льющих ливни Гиад, ярости полный Нот —
Бурных Адрия вод судья:
Хочет — волны взметет, хочет — уложит

ВНОВЬ.

Поступь смерти страшна ль была
Для того, кто без слез чудищ морских видал.
Гребни вздувшихся грозно волн,
Скал ужасных гряды Акрокеравния?
Пользы нет, что премудрый бог
Свет на части рассек, их разобшил водой,
Раз безбожных людей лады
Смеют все ж проплывать вод заповедных

ширь.

Дерзко рвется изведать все
Род людской и грешит, став на запретный
путь:

Сын Напета дерзостный
Злой обман совершив, людям огонь принес;
После кражи огня с небес,
Вслед чахотка и с ней новых болезней полк
Вдруг на землю напал, и вот
Смерти день роковой, прежде медлительный,
Стал с тех пор ускорять свой шаг.
Высь небес испытал хитрый Дедал, надев
Крылья — дар не людей, а птиц;
Путь себе Геркулес чрез Ахеронт пробил.
Нет для смертного трудных дел:
Нас к самим небесам гонит безумье, — так,
Наших ради деяний злых,
Бог Юпитер не мог молний ослабить гнев.

4

Злая сдается зима, сменялся вешней лаской
ветра;
Влекут на блоках высохшие днища;
Хлевы не радуют скот, а пахарю стал огонь не
нужен;
Луга седой не убеляет иней,

И при сияньи луны Венера уж водит
хороводы,
И Граций нежных среди Нимф фигуры
Такт отбивают ногой, пока еще не успел
Циклопам
Вулкан, пылая, разогреть все кузни.

Надо теперь украшать нам головы свежим
миртом, или
Цветам теми, что одели землю.
В роще тенистой теперь вновь надо нам
принести в дар Фавну
Ягненка или козлика — на выбор.

Бледная ломится смерть одной все и тою же
ногою
В лачуги бедных и в царей чертоги.
Сестий счастливый! Нам жизнь короткая
возбраняет планы.
К тебе уж близки Ночь и теней царство,

Как и Плутона жилье унылое, где лишь
водворишься,
Не будешь больше возглавлять пирушки,
Ни любоваться красой Ликида, что ныне
восхищает
Всю юность, — вскоре ж дев зазнойой станет.

Кто тот юноша был, Пирра, признайся мне,
Что тебя обнимал в гроте приветливым,
Весь в цветах, раздушенный, —
Для кого не украсила

Ты и светлых кудрей? Сколько же раз потом
Веру в счастье свое будет оплакивать
И дивиться жестоким
Волнам, бурю вызванным,

Тот, кто полон тобой, кто так надеется
Вечно видеть тебя верной и любящей
И не ведает ветра
Перемен. О несчастные

Все, пред кем ты блестишь светом
обманчивым!

Про меня же гласит надпись священная,
Что мной влажные ризы
Богу моря уж отданы.

Пусть тебя, храбреца многопобедного,
Варий славит — орел в песнях Меонии —
За дружины лихой подвиги на море
И на суше с тобой вождем.

Я ль, Агриппа, дерзну петь твои подвиги,
Гнев Ахиллэ, к врагам неумолимого,
Путь Улисса морской, хитролукавого,
И Пелоповы ужасы?

Стыд и Музы запрет, лировладычицы
Мирной, мне не велят, чуждому подвигов,
Что велик в мелочах, Цезаря славного
И тебя унижать хвалой.

Как достойно воспеть Марса в броне
стальной,
Мериона, что крыт пылью троянскую,
И Тидида вождя, мощной Палладою
До богов вознесенного?

Я пою о пирах и о прелестницах,
Острый чей ноготок страшен для юношей,
Будь я страстью объят или не мучим ей,
Я — поэт легкомысленный.

Пусть кто хочет поет дивный Рódос, иль
Митилену,
Или Эфес, иль Коринф у двуморья,
Фивы, град Вакха, поет, иль поет Аполлоновы
Дельфы
Славные, иль Фессалийскую Темпу.

Только заботы и есть у других, чтобы
длинною песнью
Славить столицу безбрачной Паллады
И украшать чело отовсюду взятой оливой.
Кто восхвалением занят Юоны,

Конный пусть славит Аргос и с ним золотые
Микены.

Мне же не так по душе терпеливый
Лакедемон и простор полей многоплодной
Лариссы,
Как Албунеи чертог говорливой,

Быстрый Анио ток, и Тибурна рощи, и
влажный
Берег зыбучий в садах плодовитых.
Как иногда ясный Нот гонит тучи с туманного

неба

И не всегда он дожди порождает,

Так же и ты, мой Планк, и печали и тягости
жизни

Нежным вином разгонять научайся,

Если владеет тобой значками блистающий
лагерь,

Или Тибур приманил густотенный.

Тевкр, когда покидал Саламин и отца, как
изгнанник,

Все же вином увлажнил свои кудри

И, возложивши на них венок из тополя веток,

Так обратился к друзьям огорченным:

«Нас куда бы ни мчала судьба, что родителя
лучше,

В путь мы пойдем, о соратники-друзи, —

Где предводителем Тевкр, где боги за Тевкра,
крушиться

Нечего: ведь Аполлон непреложно

Нам обещал на земле обрести Саламин
неизвестный.

Вы, храбрецы, что со мною и раньше

Много горя снесли, вином отгоните заботы, —

Завтра опять в беспредельное море!»

8

Лидия, о, скажи мне,
Ради всех богов, для чего ты Сибариса губишь
Страстью своей? Зачем он
Стал чуждаться игр, не терпя пыли арены
знойной,

И не гарцует больше
Он среди других молодцов, галльских коней
смирня
Прочной уздой зубчатой?
Иль зачем он стал желтых вод Тибра
бояться, — точно

Яда змеи, еля
Избегать, и рук, к синякам прежде
привычных, ныне
Не упражняет боем
Тот, кто ловко диск и копье раньше метал за
знаки?

Что ж? Он быть спрятан хочет,
Как Фетиды сын, говорят, скрыт был под
женским платьем,

Чтобы не пасть, с ликийцев
Ратями сойдясь, среди борьбы у обреченной
Трои?

9

Смотри: глубоким снегом засыпанный,
Соракт белеет, и отягченные
Леса с трудом стоят, а реки
Скованы прочно морозом лютым.

Чтоб нам не зябнуть, нового топлива
В очаг подбрось и полную чашею
Черпни из амфоры сабинской
О Талиарх, нам вина постарше!

Богам оставь на волю все прочее:
Лишь захотят — и ветер бушующий
В морях спадет, и не качнутся
Ни кипарисы, ни старый ясень.

О том, что ждет нас, брось размышления,
Прими, как прибыль, день нам дарованный
Судьбой и не чуждайся, друг мой,
Ни хороводов, ни ласк любовных.

Пока далеко старость угрюмая,
И ты цветешь. Пусть ныне влекут тебя
И состязанья, и в урочный
Вечера час нежный лепет страсти;

И пусть порою слышится девичий
Предатель-смех, где милая спряталась,
И будет у тебя запястье
Или колечко любви залогом.

10

Вещий внук Атланта, Меркурий! Мудро
Ты смягчил людей первобытных нравы
Тем, что дал им речь и благой обычай
Ввел состязаний.

Вестник всех богов, я тебя прослаблю
Песней. Ты творец криворогой лиры,
Мастер в шутку все своровать и спрятать,
Что бы ни вздумал.

Ты малюткой раз Аполлона стадо
Ловко скрыл, угнав. «Не отдашь коль...» —
грозно
Тот страшал, — и вдруг рассмеялся: видит —

Нет и колчана.

Ты Приама вел незаметно ночью:
Выкуп ценный нес он за тело сына,
В вражий стан идя меж огней дозорных
Мимо Атридов.

В край блаженный ты беспорочных души
Вводишь; ты жезлом золотым смиряешь
Сонм бесплотный — мил и богам небесным,
Мил и подземным.

11

Не расспрашивай ты, ведать грешно, мне и тебе какой,
Левконоя, пошлют боги конец, и вавилонские
Числа ты не пытай. Лучше терпеть, что бы ни ждало нас, —
Дал Юпитер в удел много ль нам зим или последнюю,

Что в скалистых брегах ныне томит море
Тирренское
Бурей. Будь же мудра, вина цеди. Долгой надежды нить

Кратким сроком урежь. Мы говорим, время ж
завистное

Мчится. Пользуйся днем, меньше всего веря
грядущему.

12

Мужа ты какого, героя ль, бога ль
Лирой хочешь петь или резкой флейтой,
Клио? Имя чье будет вторить всюду
Эхо шутивно?

Там, где тень дают Геликона рощи,
Там, где Пинда высь или Гем холодный,
Шли откуда вслед за певцом Орфеем
Рощи покорно?

Матерью учен, замедлял поток он
Бурных рек, ветров умерял порывы;
Шли за ним дубы по следам, внимая
Струнам певучим.

Что я смею петь до хвалы обычной
Всех Отцу? Людей и богов делами
Правит он во все времена, землю,
Морем и небом.

Выше, чем он сам, ничего нет в мире,
И ничто ему не равно по славе.
Ближе всех к нему занимает место
Дева Паллада,

Что смела в боях. Не пройду молчаньем
Вас: о Вакх! о ты, что зверям враждебна,
Дева! ты, о Феб, что внушаешь страх всем
Меткой стрелою!

В честь Алкида я буду петь и Леды —
Близнецов: один был кулачным боем
Славен, тот — ездой на конях. Блеснут лишь
Путникам оба,

Вод поток со скал, торопясь, стекает,
Ветры стихнут вдруг, разбегутся тучи,
Горы грозных волн — то богов веленье —
В море спадают.

Ромула ль затем, времена ли мира
В царство Нумы петь мне, не знаю, Приска ль
Гордые пучки, иль конец Катона,
Славы достойный.

Регула равно я и Скавров вспомню;
Павла, что лишил себя жизни, видя

Вражьих сил успех; как Фабриций чист был,
Вспомню я с Музой.

Как служить войне и косматый Курий
Должен был, равно и Камилл, суровой
Бедностью тесним и именем скудным,
Дедов наследством.

Словно древа ствол у Марцеллов слава
С каждым днем растет, и среди них сверкает
Юлиев звезда, как в светилах меньших
Месяц сияет.

О отец и страж ты людского рода,
Сын Сатурна! Рок поручил охрану
Цезаря тебе: пусть вторым он правит,
Царствуй ты первым.

Все равно, триумф заслужив, кого он
В Рим введет: парфян ли смиренных, Лаций
Мнивших взять, вождей ли индийцев, серов
С края Востока, —

Пусть на радость всем он землю правит,
Ты ж Олимп тряси колесницей грозной,
Стрелы молний шли нечестивым рощам
Гневной десницей.

Как похвалишь ты, Лидия,
Розоватый ли цвет шеи у Т_е_лефа,
Руки ль белые Телефа, —
Желчью печень моя переполняется.

И тогда не владею я
Ни умом ни лицом: слезы украдкою
По щекам моим катятся,
Выдавая огонь, сердце сжигающий.

Я стораю, когда тебе
Буйный хмель запятнал плечи прекрасные,
Или пламенный юноша
Зубом запечатлел след на губе твоей.

Не надейся любезною
Быть надолго тому, кто так неистово
Милый ротик уродует,
У Венеры самой нектар отведавший.

Те лишь много крат счастливы,
Кто связался навек прочными узами:
Им, не слушая жалобы,
Не изменит любовь раньше, чем смерть

придет.

14

О корабль, отнесут в море опять тебя
Волны. Что ты? Постой! Якорь брось в
гавани!

Неужель ты не видишь,
Что твой борт потерял уже

Весла, — бурей твоя мачта надломлена, —
Снасти жутко трещат, — скрепы все сорваны,
И едва уже днище
Может выдержать властную

Силу волн? У тебя нет уж ни паруса
Ни богов на корме, в бедах прибежища.
Хоть сосною понтийской —
Леса знатного дочерью —

Ты, как матерью, горд, — род ни причем уж
твой:

На твой борт расписной можно ль надеяться
Моряку? Ведь ты будешь
Только ветра игралищем.

О недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
Что шумит меж Цикладами!

15

Хитрый в Трою когда на корабле пастух
Вез Елену с собой гостеприимную, —
Вверг в бездействие вдруг ветры Нерей, чтоб
мог
Злые судьбы ему вещать:

«В дом родной при дурных знаменьях ты
везешь
Ту, кого возвратить требует много войск
Греков, давших обет брак уничтожить твой
Вместе с царством Приама всем.

Сколько пота, увы, людям, коням грозит!
Роду Дардана ты сколько смертей везешь!
Вот Паллада уже шлем, колесницу, щит —
Все готовит в жестокий бой.
Пусть Венеры самой гордый защитой ты
Чешешь кудри свои, женам чаруешь слух
Песней, чуждой войне, нежной кифарой, —

все

Тщетно. Тщетно от острых стрел,

Копий тяжких и всех брани тревог бежать
Мнишь ты в спальне; Аякс быстрый найдет
тебя.

Пусть хоть поздно, увы, все ж, любодей,
узнай:

Будут кудри твои в пыли.

Гибель роду троян — видишь ли ты — несут
Сын Лаэрта — Улисс, Нестро — Пилосский
царь.

Здесь бежит за тобой Тевкр саламинец, там —
Сфенел, с битвой знаком: коней
Мастер он укрощать, он коневод лихой:
Их ничто не страшит. Вот Мерион — стрелок,
Вот, храбрейший отца, страстно Тидид, ярься
Жаждет — грозный — найти тебя.

Ты же, словно олень, волка завидя вдруг
В дальнем луга краю, мчится, траву забыв —
Так и ты побежишь, трус, запыхавшийся,
Хоть не то обещал ты ей.

Пусть отсрочит конец Трои и жен ее
Гнев Ахилла и флот, битвы с врагом прервав,

—

Все ж, когда протечет ряд неизбежных зим,
Греки град Илион сожгут».

16

О дочь, красою мать превзошедшая,
Сама придумай казнь надлежащую
Моим, злословья полным, ямбам
В волнах морских иль в огне, — где хочешь!

Ни Диндимена в древнем святилище,
Ни Феб, ни Либер не потрясают так
Души жрецов, ни Корибанты
Так не грохочут гремящей медью,

Как духи Гнева, коим не страшны ведь
Ни меч германца, ни грозный вал морской,
Ни ярый пламень, ни Юпитер,
С грохотом страшным разящий с неба.

Ведь Прометею, чтоб людей создать,
Пришлось собирать все свойства частицами
И, по преданью, в наши недра
Злобы прилить и безумья львиных.

Лишь духи Гнева лютую вызвали

Судьбу Фиеста. Гнев был причиною,
Что города бесследно гибли,
После того как на месте стен их

Надменный недруг землю распахивал.
Уйми же гнев свой! В дни моей юности
Ведь и меня лишь пыл сердечный
В злобе толкнул написать поспешно

Те ямбы. Ныне горечь прошедшего
Стремлюсь сменить я дружбой и кротостью.
Мою вину мне в новых песнях
Дай искупить и верни мне душу!

17

Проворный Фавн привык свой Ликей менять
На мой Лукретил дивный и отводить от коз
Жар жгучий летнего полудня,
Или же ветер, дождем грозящий.

Сойдя с дороги, самки пахучего
Козла по лесу бродят бестрепетно,
Ища то тмин, то земляничник,
И не боясь ни змеи зеленой,

Ни злобы волка, коз похитителя,
Лишь, Тиндариды, нежной свирели звук
Долины огласит и горы
Устику с их некрутым подъемом.

Храним богами я, — моя набожность
И песнь им любви! — Здесь в изобилии
Прольются на тебя из рога
Щедрого сельских даров богатства.

В долине тихой здесь от жары уйдешь
И песню мне споешь на тесский лад
Про Пенелопу и Цирцею,
Что по Улиссу тоской томились.

В тени и в мире будешь лесбийское
Вино здесь пить: здесь с Марсом Семелы сын
Не заведет бранчивой ссоры;
Здесь перед Киром дрожать не будешь,

Боясь, чтоб дерзкий, в ревности, слабую
Тебя не тронул дланью несдержанной
И не сорвал с кудрей плетенья
Иль неповинных ни в чем покровов.

Вар, дерев никаких ты не сажай раньше
священных лоз

В рыхлой почве, вблизи Тибура роц, подле
стен Катила;

Трудным делает Вакх тем, кто не пьет,
жизненный путь; нельзя

Едких сердца тревог прочь отогнать, кроме
вина, ничем.

Кто же службу в войсках станет, хмельной,
иль свою бедность клясть?

Кто не славит тебя, Вакха-отца, сладкой
Венеры чар?

Пусть никто не прейдет меры в питье: Либер
блюдет предел.

Бой кентавров возник после вина с родом
лапифов, — вот

Пьяным лучший урок; Вакх, не щадя, диким
фрайкийцам мстит:

То, что можно свершать, то, что нельзя, узкой
межой они

Делят, жадные пить. Я же тебя, бог, не дерзну
пытать

Против воли твоей; тайнств твоих, скрытых от
всех плющом,

Я толпе не предам. Радостный бог! Грозных
тимпанов звон,
Рог фригийский сдержи, — с ними идут
рядом: Любовь к себе
И Тщеславье с пустой, поднятой вверх, меру
презрев, главой,
И Болтливость, кому вверенных тайн, словно
стеклу, не скрыть.

19

Мать страстей беспощадная,
Дионис молодой, с резвою Вольностью,
Душу вы повелели мне
Вновь доверить любви, было забытой мной.

Восхищен я Гликерою,
Что сияет светлей мрамора Пароса,
Восхищен и задором я
И опасной для глаз прелестью личика.

И бессилен пред натиском
Я Венеры: она с Кипром рассталася;
Про парфян ли, про скифов ли, —
Все, что чуждо любви, петь возбраняет мне.

Так подайте ж, прислужники,
Дерна мне, и ветвей свежих, и ладана,
И вина с чашей жертвенной;
Да богиня грядет, жертвой смиренная!

20

Будешь у меня ты вино простое
Пить из скромных чаш. Но его ведь сам я,
В амфору налив, засмолил в тот день, как
Рукоплескали

Дружно все тебе, лишь в театр вошел ты,
Всадник Меценат дорогой, и, вторя,
Разносил хвалу вдоль реки родимой
Холм Ватикана.

Ц_е_куба вино пей себе ты дома
И каленских лоз дорожную влагу, —
У меня ж фалерн, как и Формий лозы,
Чаш не наполнят.

21

Пой Диане хвалу, нежный хор девичий,
Вы же пойте хвалу Кинфию, юноши,
И Латоне, любезной
Зевсу, богу всевышнему!

Славьте, девы, ее, в реки влюбленную,
Как и в сени лесов хладного Алгида,
Бора на Эриманфе,
В кудри Крага зеленого.

Вы же, юноши, все славьте Темпейский дол,
Аполлону родной Делос и светлого
Бога, рамо чье лирой
И колчаном украшено.

Пусть он, жаркой мольбой вашею тронутый,
Горе войн отвратит с мором и голодом
От народа, направив
Их на персов с британцами!

22

Кто душою чист и незлобен в жизни,
Не нужны тому ни копье злых мавров,
Ни упругий лук, ни колчан с запасом
Стрел ядовитых,

Будет ли лежать его путь по знойным
Африки пескам, иль в глуши Кавказа,
Иль в стране чудес, где побережье лижут
Волны Гидаспа.

Так, когда брожу я в лесу Сабинском
Без забот, с одной только песней к милой
Палате моей, — с безоружным встречи
Волк избегает.

Равного ж ему не кормили зверя
Давний леса, не рождала даже
И пустыня та, что всех львов питает
Грудью сухою.

Брось меня в страну, где весны дыханье
Не способно жизнь возродить деревьев,
В тот бесплодный край, что Юпитер гневно
Кроет туманом;

Брось меня туда, где бег солнца близкий
Знойностью лучей обезлюдил землю, —
Лалаги моей разлюблю ль я голос
Или улыбку?

Ты бежишь от меня, Хлоя, как юная
Лань, которая мать в гóрах утратила
И напрасно страшится
Леса легкого лепета.

Лист взметется ль сухой вешним дыханием,
Шелохнет ли слегка быстрый бег ящериц
Веточку ежевики, —
Вся она уже в трепете.

Ведь не тигр я, не лев, страшный сын Ливии,
Чтоб тебя растерзать, хищно набросившись.
Брось за матерью бегать:
Зреешь ты для супружества!

24

Можно ль меру иль стыд в чувстве знать
горестном
При утрате такой? Скорбный напев в меня,
Мельпомена, вдохни, — ты, кому дал Отец
Звонкий голос с кифарою!

Так! Ужели ж навек обнял Квинтилия

Сон? Найдут ли ему в доблестях равного
Правосудья сестра — Честь неподкупная,
Совість, Правда открытая?

Многим добрым сердцам смерть его горестна,
Но, Вергилий, тебе всех она горестней.
У богов ты, увы, с верой не вымолишь
Друга, что ты доверил им!

И хотя бы умел лучше Орфея ты
Сладкозвучной струной лес привораживать,
Оживишь ли черты лика бескровного,
Раз Меркурий, не знающий

Снисхожденья к мольбам, страшным жезлом
СВОИМ

Уж коснулся его, чтоб приобщить к теням?
Тяжко! Но перенести легче с покорностью
То, что нам изменить нельзя.

25

Реже по ночам в запертые ставни
Раздается стук молодежи дерзкой,
Чтоб прервать твой сон, и покой свой любит
Дверь на пороге,

Что она легко покидала прежде.
Стала слышать ты реже все и реже:
«Сна лишен тобой я, — ужель спокоен,
Лидия, сон твой?»

Увядая, ты по лихим повесам
В свой черед всплакнешь в уголке безлюдном
Под напев ветров, что ялятся пуще
Под новолунье;
И в тот час, когда любострастья пламень,
Что в обычный срок кобылицу бесит,
Распалит тебя, ты возропщешь, плача,
В горьком сознании,

Что и плющ и мирт лишь в красе зеленой
Ценит молодежь, предавая воле
Спутника зимы — ледяного ветра
Листья сухие.

26

Любимец Муз, я грусть и волнения
Отдам развеять ветрам стремительным
В Эгейском море. Безучастен
Стал я к тому, кто в стране полночной

Грозит другому, и Тиридата что́
Страшит. О Муза, сердцу любезная!
Ключей ты любишь свежесть; своей же,
Своей же для Ламия цвет весенний

В венок душистый. Что́ без тебя моя
Хвала? Достоин быть он прославленным
Тобой и сестрами твоими
Плектром лесбийским на струнах новых.

27

Пускать в ход кубки, что для веселия
Даны, — позорно! Нравы фракийские
Оставьте, и держите Вакха
Скромного дальше от ссор кровавых.

К вину, к лампадам, право, совсем нейдет
Кинжал мидийский. Вы, собутыльники,
Умерьте крик и гам безбожный
И возлежите, склонясь на локоть...

Я должен с вами крепость фалернского
Отведать вместе? Пусть не скрывает брат
Мегиллы Опунтийской, кто же

Ранил стрелою его, счастливца!

Охоты нет? Иначе не буду пить!
Любовь какая б ни увлекла тебя,
Палит она огнем не стыдным, —
Лишь в благородной любви ты грешен!

Что б ни таил, шепни-ка мне на ухо, —
Тебя не выдам. О злополучный мой,
Какою ты крушим Харибдой, —
Пламени лучшего ты достоин!

Какой ведун иль ведьма Фессалии
Тебя изымет зельями? Бог какой?
Триликой сжатого Химерой,
Вряд ли тебя и Пегас исторгнет!

28

Моря, земли и песков измеритель несчетных,
Архита,
Скудные ныне тебя покрывают
Горсти ничтожного праха у берега Матинского
мыса,
Пользы тебе никакой не приносит

То, что эфира обитель исследовал ты и все
небо

Мыслью об_е_гал, на смерть обреченный.

Пал и Пелопа отец, хоть и был сотрапезник
бессмертных,

Умер Тифон, к небесам вознесенный,

Умер Минос, посвященный Юпитером в
тайны; владеет

Орк Пантоидом, вернувшимся в Тартар,

Хоть доказал он щитом, снятым в Герином
храме, что жил он

В пору Троянской войны, утверждая,

Будто лишь кожа да жилы подвластны
безжалостной смерти.

Сам же он был знатоком не последним

Истин, сокрытых в природе, по-твоему. Но по
дороге

К Ночи уходим мы все и к могиле.

Фурии многих дают на потеху свирепому
Марсу,

Губит пловцов ненасытное море,

Старых и юных гробы теснятся везде:

Прозерпина

Злая ничьей головы не минует.

Так и меня потопил в Иллирийских волнах

буреносный

Нот, Ориона сходящего спутник.

О мореплаватель, ты мне песку хоть летучею
гордостью

Кости прикрой и главу, не скупися:

Я ведь могилы лишен. За это пускай все
угрозы

Евр от Гесперии волн направляет

К рощам Венуэйи, ты ж невредим оставайся:
награды

Пусть на тебя справедливый Юпитер

Щедро прольет и Нептун, святыни Тарента
хранитель.

Грех совершить ни во что ты не ставишь?

Может ведь это и детям твоим повредить
неповинным,

Суд по заслугам с возмездием строгим

Ждет и тебя: не пребудут мольбы мои без
отмщенья,

Жертвы тебя не спасут никакие.

Пусть ты спешишь, — не долга ведь задержка:
три горсти

Брось на могилу мою, — и в дорогу!

Мой Икций, ты ль счастливой Аравии
 Сокровищ жаждешь, страшной войной
 грозишь

Царям непокоренной Савы,
 Цепи куешь для ужасных мидян?
 Какая дева иноплеменница,
 Когда в бою падет ее суженый,
 Тебе послужит? Что за отрок
 Чашником будет твоим, кудрявым,

Из свиты царской, стрелы привыкнувший
 Метать из лука óтчего? Можно ли
 Сказать, что Тибр не возвратится,
 Что не встечет вспять река на горы,

Коль ты, скупивший книги Панетия
 И вместе с ними мудрость Сократову,
 Нам посулив благое, хочешь
 Их обменять на испанский панцирь?

Кипр любезный свой ты покинь и, внемля

В ладана волнах тихий зов Гликеры,
В дом ее явись, о Венера, Книда,
Пафа царица!

Пусть с тобой спешат и твой мальчик пылкий,
Грации в своих вольных тканях, Нимфы.
Без тебя тоской повитая Геба,
С ней и Меркурий.

31

Что просит в новом храме поэт себе
У Аполлона? И с возлиянием
О чем он молит? Не богатых
Просит он нив средь полей Сардинских,

Не стад обильных в жаркой Калабрии,
Не злата с костью белой из Индии,
Не тех угодий, что спокойным
Током живет молчаливый Лирис.

Пускай снимают гроздья каленские,
Кому Фортуна их предоставила;
Пусть пьет купец хоть золотыми
Чашами вина — свою наживу —

Богов любимец, ибо не раз в году
Простор он видит вод Атлантических
Без наказания. Мне ж оливки,
Мне лишь цикорий, да мальвы — пища.

Так дай прожить мне тем, что имею я,
О сын Латоны! Дай мне, молю тебя,
Здоровья и с рассудком здравым
Светлую старость в союзе с лирой.

32

Ли́ра! Нас зовут. Коль в тени мы пели
В час досуга песнь, что прожить достойна
Год иль больше лет, — то сложи теперь мне
Римскую песню.

Первым внял тебе гражданин лесбосский;
Был хотя свиреп на войне он, все же
Меж боев, корабль после бурь причалив
К берегу сырому,

Вакха, Муз он пел и Венеру с сыном,
Что повсюду с ней неразлучен, Лика
Черных блеск очей воспевал, красавца,
Черные кудри.

Феба слава ты, на пирах Юпитер
Рад тебе внимать, от трудов ты сладкий
Отдых всем даешь, я к тебе взываю
Благоговейно!

33

Альбий, ты не тужи, в сердце злопамятно
Грех Гликеры нося, в грустных элегиях
Не пеняй, что она младшего возрастом
Предпочла тебе ветрено.

Ликорида, чей лоб сужен изысканно
К Киру страстью горит; Кир же Фолоею
Увлечен; но скорей, впрямь сочетаются,
Козы с волчьим отродием,

Чем Фолоя впадет в любодеяние.
Так Венере самой, видно, уж нравится,
Зло шутя, сопрягать тех, что не сходствуют
Ни душою ни внешностью.

Вот и мне довелось быть, когда лучшая
Улыбалась любовь, скованным с Мирталой,
Что бурливей была моря вдоль выступов